

СВОБОДА ЧЕЛОВЕКА И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ ЗАКОН:
О МЕРАХ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПОД СТРАЖУ
И ДОМАШНЕГО АРЕСТА – В ИХ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ
ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Аннотация. В статье рассматриваются уголовно-правовые аспекты таких мер пресечения, как заключение под стражу и домашний арест, вносятся предложения по совершенствованию законодательной регламентации этих мер и их практического применения, формулируются выводы относительно отражения данной проблематики в средствах массовой информации, а также в отношении типичных проявлений обвинительного уклона в данной сфере уголовно-правовой юрисдикции, их причин и мер их преодоления.

Ключевые слова: меры пресечения, заключение под стражу, домашний арест, средства массовой информации, обвинительный уклон, его причины, меры его преодоления.

Мера пресечения в виде заключения под стражу подозреваемого/обвиняемого в совершении преступления лица есть по существу ни что иное, как *лишение его свободы*. Конечно же, это – прежде всего, процессуальная мера, но и уголовно-правовой аспект выражен в ней довольно отчетливо. И проявляется он не только *во внешней атрибутике* заключения под стражу как меры пресечения, с одной стороны, и лишения свободы как меры наказания – с другой (несмотря на разные цели, формы, периоды применения и многие другие особенности, обе эти меры схожи в главном, а именно в том, что и та, и другая мера связана с изоляцией лица от общества), но еще и в том, что, в соответствии с ч. 1 ст. 108 УПК РФ, мера пресечения в виде заключения под стражу применяется по судебному решению (при невозможности применения иной, более мягкой, меры) в отношении подозреваемых и обвиняемых в со-

вершении *таких* преступлений, за которые уголовным законом предусмотрено наказание в виде *лишения свободы* (на срок свыше двух лет, а при наличии обстоятельств, указанных в пунктах 1-4 ч. 1 ст. 108 УПК РФ – и на срок до двух лет).

Как известно, в октябре 2010 года по поручению Президента РФ Д.А.Медведева Министерством юстиции РФ разработан законопроект, в соответствии с которым в санкциях 68 статей Особенной части УК РФ снижается к минимуму (к двум месяцам) нижний порог лишения свободы (верхний предел остается при этом прежним), в санкциях 118 статей снижается к минимуму нижний порог исправительных работ (к двум месяцам) и ареста (к одному месяцу), санкции 12 статей альтернативно дополняются исправительными работами, санкции 11 статей альтернативно дополняются штрафом. Прорабатывается вопрос и о возможности введения такого альтернативного наказания, как принудительные работы, то есть известной с советских времен (с 1972 года) «химии», а именно наказания, сопряженного с направлением осужденных на крупные стройки страны, в добывающую отрасль, в сферы дорожного строительства, лесозаготовок и т.д.¹

Все это должно привести, по расчетам специалистов, к существенному снижению численности лиц, находящихся в следственных изоляторах – примерно на треть. То есть если в настоящее время в этих учреждениях находится примерно 120 тысяч человек², то в течение уже двух-трех (максимум, пяти) лет их число может уменьшиться до 80 тысяч. Говоря другими, словами практика применения такой меры пресечения, как заключение под стражу, станет значительно мягче.

Адекватно может снизиться и численность нашего так называемого «тюремного» населения, которое по состоянию на октябрь 2010 года составляло

¹ См.: Куликов В. Меньше сажать. Подготовлен законопроект, радикально смягчающий уголовные наказания: число заключенных может сократиться на треть // Российская газета. 2010. 28 октября. С. 4.

² См.: Куликов В. Арест на всякий случай. Следователи и адвокаты разберутся, почему так часто подозреваемых отправляют в СИЗО // Российская газета. 2010. 21 сентября. С. 9.

833,9 тысяч человек, в том числе 707,1 тысяч – в исправительных колониях, 51,4 тысяч – в колониях-поселениях, 2 тысячи – в тюрьмах, 44,4 тысячи – в 62-х воспитательных колониях для несовершеннолетних.

Вместе с лицами, находящимися в следственных изоляторах, осужденные к лишению свободы составляли в октябре 2010 года, следовательно, 953,9 тысяч человек, то есть примерно один процент нашего «дееспособного» (в том числе в криминологическом-правовом смысле) населения, а именно лиц в возрасте от 14 до 60 лет.

Значительно расширится практика предоставления осужденным краткосрочных отпусков.

Высвобождаемые в результате осуществляемых преобразований помещения исправительных учреждений будут, как предполагается, перепрофилированы под экономическую деятельность, которой здесь будут заняты, как можно предположить, и бывшие осужденные³.

Это, конечно, не может не сказаться положительно на нашей экономике, но открытое пространство в результате проводимых преобразований заметно пополнится «беспокойной публикой» примерно еще на триста тысяч – кроме тех примерно 40 тысяч лиц, которых в новых условиях минуют следственные изоляторы. Естественно, данное обстоятельство резко обострит криминальную напряженность в обществе, что неизбежно увеличит и нагрузку на институты необходимой обороны, задержания преступника, потребует мобилизации населения на создание общественных формирований по содействию правопорядку, более широкого использования электронных средств контроля правопорядка и, прежде всего, контроля поведения его главных «возмутителей», а именно лиц, освобождаемых из мест лишения свободы, а также осуждаемых условно и к наказаниям, не связанным с лишением свободы.

³ См.: Куликов В. Меньше сажать. Подготовлен законопроект, радикально смягчающий уголовные наказания: число заключенных может сократиться на треть // Российская газета. 2010. 28 октября. С. 4.

Основными же факторами, которые будут призваны как-то амортизировать насыщение социума криминалитетом, должны стать: завершение этапа выхода страны из финансового кризиса, экономический подъем, переход к сбалансированной социальной политике, гармонизация взаимоотношений труда и капитала, преобразование милиции в полицию, другие конструктивные меры данного ряда.

Заметим, что, несмотря на сохраняющиеся еще существенные нарушения принципа законности при применения такой меры пресечения, как заключение под стражу (в том числе несмотря на продолжающиеся насилия, истязания, пытки, прочие издевательства над подследственными, о чем постоянно пишет наша пресса), в целом практика данной работы становится постепенно все же гуманнее – о чем, кстати, тоже свидетельствуют и материалы той же прессы.

В частности, средства массовой информации (со ссылками на Следственный комитет при Прокуратуре РФ) отмечают, что в 2009 году из 196 тысяч подследственных под стражу были заключены только 31 811 человек, то есть всего 16 % подследственных. В первом полугодии 2010 года этот показатель снизился до 13 % – под стражу были взяты 13 667 человек. Следственными подразделениям МВД РФ в 2009 году было взято под стражу 110 632 человека, а в первом полугодии 2010 года – 44 923 человека.

В 2009 году суды рассмотрели 208 тысяч ходатайств следователей Следственного комитета при Прокуратуре РФ о заключении под стражу. Примерно в каждом десятом случае судьи не удовлетворили такие ходатайства, а по делам о преступлениях женщин – они не удовлетворяли их примерно в каждом седьмом-восьмом случае (13 %), по делам о преступлениях несовершеннолетних – примерно в каждом пятом случае (22 %).

Нельзя не отметить, что не во всех случаях суды поступали достаточно осмотрительно, отказывая следователям в их ходатайствах о заключении подозреваемых, обвиняемых под стражу. Так, в 2008 и 2009 годах примерно 30

тысяч совершивших преступления лиц, но не заключенных под стражу, вновь совершили преступления⁴.

Уголовно-правовой аспект заключения под стражу проявляется еще и в том, что, согласно ч. 3 ст. 72 УК РФ, данная мера пресечения засчитывается в срок назначенного по приговору суда наказания: при назначении лишения свободы, содержания в дисциплинарной воинской части или ареста – из расчета один день содержания под стражей за один день лишения свободы, содержания в дисциплинарной воинской части или ареста; при назначении ограничения свободы соответственно – один день за два дня; при назначении исправительных работ или ограничения по военной службе – один день за три дня; при назначении обязательных работ – один день содержания под стражей за восемь часов обязательных работ.

Поэтому, заключая подозреваемого, обвиняемого под стражу, дознаватель, следователь, прокурор или суд, осуществляет, наряду с сугубо процессуальной юрисдикцией, еще и юрисдикцию уголовно-правовую – помимо того, что такая юрисдикция осуществляется в общем плане, то есть в плане уголовно-правового реагирования на преступление. Оказываясь в следственном изоляторе, подозреваемый, который затем становится обвиняемым (а далее – осужденным, но пока еще – до вступления приговора в силу – не подвергающимся назначенному судом наказанию), уже начинает понемногу, грубо говоря, «отматывать» тот срок лишения свободы, который «намотал» себе, совершив соответствующее преступление с реальной перспективой лишения свободы. Вдвое или даже втрое быстрее «бежит» срок назначенного судом наказания, если оно – не лишение свободы, а какое-либо более мягкое наказание.

Полагаем, что ч. 5 ст. 72 УК РФ следует дополнить указанием на то, что суд при смягчении осужденному, содержавшемуся под стражей до судебного разбирательства, штрафа, лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, назначенных в качестве основ-

⁴ См.: Козлова Н. Когда арестанту положена вольная. Следственный комитет пересчитал своих и чужих задержанных // Российская газета. 2010. 7 октября. С. 7.

ного наказания, или при полном освобождении от назначенного наказания учитывает не только срок, но и *сам факт* нахождения осужденного под стражей.

В данной связи было бы, на наш взгляд, целесообразным еще и такое дополнение к указанной норме (ч. 5 ст. 72 УК РФ): при назначении осужденному, содержащемуся под стражей до судебного разбирательства, в качестве дополнительного вида наказания лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, лишения специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград суд, учитывая срок и сам факт нахождения осужденного под стражей, смягчает назначенное ему наказание или полностью освобождает его от отбывания назначенного наказания.

Исходя из смысла ч. 5 ст. 72 УК РФ, суд вначале должен, как представляется, *назначить* осужденному наказание – в соответствии с общими и специальными правилами назначения наказания (ст. 60-70 УК РФ), и лишь затем *смягчить его* до нужного предела – с учетом срока и самого факта нахождения осужденного под стражей.

Основное назначение уголовного судопроизводства, как это прямо вытекает из п. 1 ч. 1 ст. 6 УПК РФ – это защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, причем защита точная, прицельная, адекватная, соразмерная, справедливая, ориентированная, конечно же, на уголовное преследование и наказание исключительно лиц, *виновных* в совершении преступлений и ни в какой мере не каких бы то ни было других лиц, оказавшихся по воле случая (в результате допущенной ошибки или/и содеянного нарушения) в поле зрения органов, осуществляющих уголовно-правовую юрисдикцию.

Если так уж случилось, что в силу *допущенных* сотрудниками этих органов *ошибки* или/и *содеянного нарушения* объектом осуществляемого ими уголовного преследования становится *невиновное лицо*, то назначением уголовно-уго судопроизводства является вывод этого (невиновного) лица из-под сферы

уголовного преследования, то есть отказ от такого преследования, а если невиновному лицу было назначено наказания или оно было уже подвергнуто ему, то и аннулирование необоснованно назначенного или уже исполняемого наказания, реабилитация лица, необоснованно подвергшегося уголовному преследованию или уже и наказанию (п. 2 ч. 1, ч. 2 ст. УПК РФ).

Внимательное прочтение положений ст. 6 УПК РФ о назначении уголовного судопроизводства показывает, что в основе их – принцип справедливости уголовного судопроизводства, о котором по какой-то странной случайности ничего не говорится в главе 2 УПК РФ, озаглавленной «Принципы уголовного судопроизводства». Ведь в уголовном правосудии, как и вообще в мире, нет ничего более справедливого, чем защита человека от самой большой «ударяющей» по нему несправедливости – от преступлений. И, в то же время, нет ничего более справедливого, чем защита человека от необоснованного обвинения, осуждения, ограничения его прав и свобод (п. 2 ч. 1 ст. 6 УПК РФ).

Важным моментом, утверждающим принцип справедливости уголовного судопроизводства, является то, что уголовно-процессуальный закон ставит в *равное* положение, с одной стороны, требование уголовного преследования и назначения виновным справедливого наказания, а с другой – требование отказа от уголовного преследования невиновных, аннулирования необоснованно назначенного им или уже исполняемого наказания, реабилитации каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию или уже и наказанию (ч. 2 ст. 6 УПК РФ).

Полагаем, что статью 6 УПК РФ надо было бы так и озаглавить: «Справедливость уголовного судопроизводства». Сама данная статья, на наш взгляд, также нуждается в корректировке – в том числе следующего характера: 1) необходимо в ней подробнее указать на основное назначение уголовного судопроизводства – осуществляемого, во-первых, для защиты *не только* прав и законных интересов лиц и организаций (от преступлений), но и *интересов общества и государства*, а во-вторых, для защиты этих прав и интересов *посредством* уголовного преследования виновных и назначения им справедливого нака-

зания; 2) надлежит указать в ней *не на освобождение* невиновных от наказания, *а на аннулирование* необоснованно назначенного им наказания; 3) следует заменить в ней (в ее п. 2 ч. 1) словосочетание «незаконное и необоснованное обвинение» словосочетанием «необоснованное обвинение»; 4) целесообразно заменить в ней (в ее п. 1 ч. 1) термин «лица» термином «граждане»; 5) важно в ней также несколько перефразировать ч. 2, а именно так, чтобы главный смысл содержащегося в данной норме положения был подчинен именно *основному* назначению уголовного судопроизводства, то есть защите прав и законных интересов граждан и организаций, интересов общества и государства от преступлений *посредством уголовного преследования виновных в их совершении лиц и справедливого их наказания.*

Ведь в соответствии с установившейся правовой традицией закон должен в своих нормах указывать, во-первых, *на весь спектр* защищаемых им прав и интересов (иначе получается так, что уголовно-процессуальный закон интересы общества и государства вообще *не защищает*), во-вторых, на *освобождение* от наказания лишь в том случае, когда оно было назначено *обоснованно*, но необходимость в его исполнении в силу предусмотренных законом оснований отпадает (если же наказание было назначено *необоснованно*, то невиновный *не освобождается* от него, а оно в отношении его *аннулируется*; любое освобождение в праве от любых ограничений – это акт гуманизма, а в данном случае речь идет об обычном исправлении допущенной ошибки или содеянного нарушения⁵), в-третьих, на *саму суть* явления, а *не на все много-*

⁵ Так как наказание – *незаконное*, то в юридическом смысле его как бы нет, а следовательно, *невиновного*, строго говоря, не от чего освобождать. Надо просто устранить допущенную ошибку или содеянное нарушение – путем *аннулирования* необоснованно назначенного наказания, реабилитировать необоснованно осужденное лицо, и, естественно, должным образом наказать виновных в случившемся должностных лиц. В данной связи представляется целесообразным соответствующим образом перефразировать название и содержание ст. 94 УПК РФ (основания освобождения подозреваемого). Новая редакция названия и части первой данной статьи нам видится такой:

«Статья 94. Основания аннулирования задержания подозреваемого

1. Задержание подозреваемого аннулируется по постановлению дознавателя, следователя или прокурора, если: ...» (далее – по тексту).

образия его форм (в данном случае указание не *необоснованность* обвинения, осуждения, ограничения прав и свобод является вполне достаточным, так как оно одновременно означает и *незаконность* действий такого рода), в-четвертых, именно на *граждан*, а не на *лиц* (поскольку речь в соответствующей норме идет не о подозреваемых, обвиняемых или осужденных, а о тех, чьи интересы закон *защищает*) и, в-пятых, на *основной*, а не на *сопутствующий* (вариантный, альтернативный, дополнительный) их смысл (ведь отказ от уголовного преследования невиновных, аннулирование необоснованно назначенного им наказания, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию или уже и наказанию, на чем делается главный акцент в ч. 2 анализируемой статьи – это как раз и есть *сопутствующая* линия назначения уголовного судопроизводства, рассчитанная на необходимость устранения негативных последствий необоснованного уголовного преследования и необоснованного наказания (назначенного или уже и исполняемого), происшедших в результате допущенной ошибки или/и содеянного нарушения).

С учетом изложенного новая редакция ст. 6 УПК РФ видится нам такой:

«Статья 6. Справедливость уголовного судопроизводства

1. Уголовное преследование служит идеалам справедливости и основывается на них, в связи с чем основным назначением уголовного судопроизводства является защита прав и законных интересов граждан и организаций, интересов общества и государства от преступлений посредством справедливого уголовного преследования виновных в их совершении лиц и справедливого их наказания.

2. В случае если в результате допущенной ошибки или содеянного нарушения гражданин необоснованно был подвергнут уголовному преследованию или уже и наказанию, назначением уголовного судопроизводства является

Соответственно часть пятую данной статьи надлежит изложить в такой редакции: «При аннулировании задержания подозреваемого ему выдается справка...» (далее – по тексту).

также защита его от необоснованного обвинения, осуждения, ограничения прав и свобод.

3. Отказ от уголовного преследования невиновных, аннулирование необоснованно назначенного в отношении их наказания, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию, отвечает принципу справедливости уголовного судопроизводства в такой же мере, что и защита прав и законных интересов граждан и организаций, интересов общества и государства от преступлений посредством справедливого уголовного преследования виновных в их совершении лиц и справедливого их наказания».

Исходя из содержащихся в ст. 6 УПК РФ общих положений о назначении уголовного судопроизводства, основным назначением мер пресечения (как и всего уголовного судопроизводства в целом) является тоже защита посредством этих мер прав и законных интересов граждан и организаций (в том числе, разумеется, и интересов общества и государства) от преступлений. И эта защита относится не только к тому периоду времени, когда лицо будет наказано судом и соответствующим органом уголовно-исполнительной системы, но и к настоящему времени, так как эта защита осуществляется уже в тот период времени, в течение которого к подозреваемому, обвиняемому применяется избранная мера пресечения. Сказанное позволяет говорить о реализации установленных уголовным законом задач уже в *данный период* – задач: охраны прав и законных интересов граждан и организаций, интересов общества и государства от преступлений; обеспечения охраняемых уголовным законом ценностей; предупреждения посягающих на них преступлений (ч. 1 ст. 2 УК РФ). И надо сказать, что в этом тоже проявляется уголовно-правовой аспект применения мер пресечения.

Основное назначение мер пресечения определяет и основания для их избрания, предусмотренные ст. 97 УПК РФ. Близки к этим основаниям и основания задержания подозреваемого, указанные в ст. 91 УПК РФ. И если говорить о такой мере пресечения, как заключение под стражу, то надо заметить, что граждане, общество и государство проявляют повышенное внимание к соблю-

дению принципа законности (ст. 7 УПК РФ) при ее применении – прежде всего, с учетом ее строгости и в основном негласного (закрытого) характера применения. Тем более, что нарушений принципа законности при применении данной меры пресечения все еще немало, в том числе таких, которые касаются самих оснований ее применения.

К такого рода нарушениям дознавателей, следователей, прокуроров и суды подталкивает порой желание достаточно полно обеспечить доказательственную базу расследования. Но приоритетным мотивом здесь должно быть стремление предотвратить возможность совершения нового преступления. И, конечно же, стремление сделать все возможное и, может быть, невозможное для того, чтобы лицо не было заключено под стражу. Традиционной ошибкой нашей уголовно-правовой юрисдикции является принятие максимума усилий к тому, чтобы лицо было заключено под стражу, а главным должно быть все же ее стремление к тому, чтобы лицо оставалось на свободе. Преодоление такого обвинительного уклона должно стать делом чести нашей уголовно-правовой юрисдикции.

Указание ст. 99 УПК РФ на то, что при решении вопроса о необходимости избрания меры пресечения в отношении подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления и определения вида данной меры (при наличии оснований, предусмотренных ст. 97 УПК РФ) должны учитываться также *тяжесть* преступления, сведения о личности подозреваемого, обвиняемого, его возраст, состояние здоровья, семейное положение, род занятий, другие обстоятельства, дает основание для вывода о том, что применение меры пресечения (особенно довольно жесткой – типа, скажем, рассматриваемого здесь заключения под стражу) не требуется, если речь не идет, в частности, о *тяжком или особо тяжком* преступлении, причем таком, которое отличается *агрессией, насилием, дерзостью, цинизмом или иными подобными обстоятельствамиотягчающего характера*, а также если лицо не является судимым, нормально трудится, живет в семье, имеет детей, положительно характеризуется на работе и по месту жительства, ведет безупречный образ жизни. Представляется,

что такого рода конкретизирующие указания были бы в законе уместны, причем как в ст. 99 (обстоятельства, учитываемые при избрании меры пресечения), так и в ст. 108 (заключение под стражу) УПК РФ.

Полагаем, что в ст. 108 УПК РФ целесообразно конкретнее описать *исключительные* основания применения заключения под стражу (в отношении лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений, за которые может быть назначено наказание на срок *до двух лишения свободы*), а именно сделать это, например, так (новации выделены курсивом):

1) подозреваемый или обвиняемый не имеет постоянного места жительства на территории Российской Федерации. *При этом само по себе отсутствие регистрации (как постоянной, так и временной) по месту жительства не может служить основания для заключения лица под стражу;*

2) личность его не установлена, *несмотря на проведенный комплекс необходимых в таких случаях оперативно-розыскных и других мер;*

3) им нарушена ранее избранная мера пресечения – *избранная в отношении преступления, в совершении которого он подозревается или обвиняется;*

4) он скрылся от органов предварительного расследования или суда, *совершив побег из-под стражи или выехав в другой регион либо за границу.*

Пункт 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 октября 2009 года № 22 «О практике применения судами мер пресечения в виде заключения под стражу, залога и домашнего ареста» указывает, в частности, на то, что для решения вопроса о возможности применения меры пресечения в виде заключения под стражу подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления суду надлежит в каждом конкретном случае проверять *обоснованность* подозрения о причастности лица к совершенному преступлению, *в том числе данные*, указанные в ст. 91 УПК РФ применительно к основаниям задержания подозреваемого, а именно данные о том, что, *во-первых*, лицо подозревается в совершении преступления, за которое может быть назначено лишение свободы, а *во-вторых*, наличествует хотя бы одно из таких обстоятельств, как: 1) лицо застигнуто при совершении преступления или непосредственно

после его совершения; 2) потерпевшие или очевидцы указали на данное лицо как на совершившее преступление; 3) на лице или его одежде, при нем или в его жилище будут обнаружены явные следы преступления; 4) имеются *иные* данные, дающие основание подозревать лицо в совершении преступления, если оно: а) пыталось скрыться; б) не имеет постоянного места жительства; в) не установлено, или если прокурором, а также следователем или дознавателем с согласия прокурора в суд направлено ходатайство об избрании в отношении указанного лица меры пресечения в виде заключения под стражу.

Но о каких «иных» данных здесь может идти речь? На наш взгляд, здесь речь может идти, в частности, о следующих данных:

- 1) камера видеонаблюдения или иная электронная техника зафиксировала факт совершения преступления именно данным лицом;
- 2) данное лицо само указало на факт совершения им преступления;
- 3) на месте совершения преступления обнаружены явные его следы – например, оставленные именно данным лицом орудия преступления или иные принадлежавшие ему предметы;
- 4) данное лицо стремится покинуть место совершения преступления.

Приведенный перечень данных важно закрепить законодательно (в открытом их варианте), внося соответствующее дополнение в ч. 2 ст. 91 УПК РФ.

Что же касается общих оснований для избрания меры пресечения, указанных в ст. 97 УПК РФ, то их, как представляется, было бы желательно: а) предварить ссылкой на достаточность *первоначальных* (то есть подлежащих еще в проверке) доказательств вины обвиняемого, подозреваемого в совершении преступления; б) изложить в более конкретизированном виде, а именно в таком (курсивом выделены предлагаемые автором дополнения к тексту закона; сам текст закона излагается с учетом его главного смысла): «Дознаватель, следователь, а также суд в пределах предоставленных им полномочий вправе избрать обвиняемому, подозреваемому одну из мер пресечения, предусмотренных настоящим Кодексом, при наличии достаточных *первоначальных* (то есть

подлежащих еще в проверке) доказательств вины обвиняемого, подозреваемого в совершении преступления, а также если имеются достаточные доказательства того, что отказ от применения меры пресечения с высокой степенью вероятности может привести к тому, что обвиняемый, подозреваемый:

1) скроется от дознания, предварительного следствия или суда, *то есть покинет место своего постоянного жительства или совершит побег из-под стражи – с последующим возможным переездом в неизвестное для правоохранительных органов место. Такое предположение может быть сделано, например, с учетом того, что лицо располагает достаточными для этого средствами, имеет родственников за границей, заграничный паспорт, может данным документом беспрепятственно воспользоваться;*

2) может продолжать заниматься преступной деятельностью, *то есть и дальше совершать преступления – как минимум, столь же опасные. Такое предположение может быть сделано, например, на том основании, что лицо и ранее совершало подобные преступления, имеет судимость, высказывало соответствующее намерение;*

3) может угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу. *Такое предположение может быть сделано с учетом проявленных при совершении преступления агрессии, насилия, дерзости, цинизма или иных подобных обстоятельств тягчающего характера;*

4) может попытаться уклониться от исполнения приговора, *то есть попытаться, например, растратить или спрятать имущество, на которое в перспективе может быть обращено взыскание – в случае назначения такой меры наказания, как крупный штраф. Такое предположение может быть сделано с учетом, например, того, что часть имущества, которым располагало данное лицо, уже переведено на имя родственников, партнеров по бизнесу, продано, подарено, растрчено...»* (далее – по тексту закона).

Достаточность доказательств того, что отказ от применения меры пресечения с высокой степенью вероятности может привести к тому, что обвиняе-

мый, подозреваемый не оправдывает оказанного ему доверия, проверяется соответствием сложившейся ситуации условиям обоснованного (допустимого) риска, предусмотренными ст. 41 УК РФ. Предположение о правильности принимаемого решения может носить именно вероятностный характер, но степень вероятности должна быть в данном случае достаточно высокой. Принимающее решение должностное лицо должно быть *твердо убеждено* в том, что его решение (о применении меры пресечения или об отказе от нее) – единственно верное. Всякие сомнения в данном вопросе должны толковаться в пользу подозреваемого, обвиняемого.

В ст. 99 УПК РФ (обстоятельства, учитываемые при избрании меры пресечения) используется термин «тяжесть» преступления, что не представляется удачным, поскольку такое словоупотребление исходит из того, что *все* преступления характеризуются *тяжестью*, и разница между ними заключается лишь в том, что у них – *различная степень тяжести*, а значит все они, так или иначе (в той или иной мере), *тяжкие*. Поэтому полагаем, что словосочетание «тяжесть преступления» (как в данной, так и в других уголовно-процессуальных нормах, где оно встречается) целесообразно заменить устоявшимся в уголовном законодательстве (в том числе применительно к соответствующим случаям) словосочетанием «характер и степень общественной опасности».

Нуждается, как мы полагаем, в совершенствовании и такая мера пресечения, как домашний арест. Как известно, Министерство юстиции РФ разработало законопроект о внесении изменений в ст. 107 УПК РФ, регламентирующую данную меру, но, как представляется, нужны дальнейшие шаги в данном направлении. Прежде всего, важно существенно расширить круг обязанностей, возлагаемых на подозреваемого, обвиняемого в порядке применения домашнего ареста. В этот круг следует, как мы полагаем, включить, наряду с запретом или ограничением выхода лица за пределы жилого помещения, его общения с определенными лицами, отправки и получения им почтово-телеграфных отправлений, использования средств связи и сети Интернет (о чем говорится в

законопроекте), также запрет или ограничение, в частности, посещения определенных мест, нахождения за пределами района проживания, пользования транспортными средствами. Законодательный перечень возлагаемых на подозреваемого, обвиняемого, подвергнутого домашнему аресту, обязанностей должен быть, как мы полагаем, открытым. То есть суд следует наделить правом назначать подозреваемому, обвиняемому в порядке применения домашнего ареста, *еще и другие обязанности* (запреты и ограничения), соответствующие целям данной меры и, конечно же, закону, другим нормативным правовым актам, принципам и нормам морали и нравственности. При этом закон должен разрешить суду возлагать на лицо с учетом конкретных обстоятельств дела как одну из предусмотренных законом обязанностей, так и несколько их – но в любом случае *не всех их* (в смысле *не всех тех*, которые перечисленные в законе), как в качестве одного из вариантов применения домашнего ареста предлагает законопроект.

По своему содержанию данная мера пресечения, на наш взгляд, должна быть максимально приближена к такому наказанию, как ограничение свободы (ст. 53 УК РФ). Опасения оппонентов законопроекта относительно того, что домашний арест в новом его варианте (в варианте, предложенном законопроектом) будет походить на ограничение свободы, напрасны. В конце концов, заключение под стражу тоже во многом напоминает предусмотренное уголовным законодательством лишение свободы (ст. 56 УК РФ), но разве это мешает делу?

Пленум Верховного Суда РФ в упомянутом выше постановлении использует терминологию УПК РФ, включающую такое понятие, как причастность/непричастность лица к совершению преступления (например, п. 20 ст. 5, п. 1 ч. 1 ст. 27). Нам такая терминология не представляется приемлемой, поскольку она не только не включает в себе какого либо правового смысла, но и буквально размывает содержание других юридических терминов, порождает совершенно недопустимый для права уголовно-процессуальный сленг («фигурант», «подельник», «посадка», «подсадка» и т.д.). Она тем более не имеет

права на существование, что вступает в резкое противоречие с принципом законности, декларируемым самим уголовно-процессуальным законом (ст. 7 УПК РФ). Ведь, что такое *причастность* к совершению преступления? Это не только его совершение, но и само присутствие на месте его совершения, наличие родственных или иных связей к виновному, не имеющих к совершению преступления какого-либо отношения, высказывание той или иной позиции к совершенному преступлению или к совершившему его лицу и т.д.

Отступая несколько от узко-юридической проблематики исследуемой темы, подчеркнем, что свобода человека в общепринятом ее понимании по существу заканчивается в тот момент, когда он попадает в сферу внимания органов, осуществляющих уголовно-правовую юрисдикцию, приглашается для «разговора» по их вызову, когда такие «разговоры» сопровождаются недвусмысленными намеками на тюремную перспективу. Еще, к сожалению, нередки случаи и прямого запугивания людей такой перспективной. Это происходит не только в силу вполне допустимой следственной тактики, состоящей в разъяснении подследственному того, *что* произойдет в том случае, если он не «расколется», но и в силу ощущения превосходства над людьми, в силу желания продемонстрировать это превосходство, причем любой ценой, вплоть до самых выразительных форм. Если у следователя в кабинете вывешен лозунг: «Если вы еще не судимы, то это – наша недоработка. Но она легко исправима...», если лексикон сотрудника в обращениях с гражданами пестрит ненормативной лексикой, а также словами типа «посажу на парашу», «сгною», «сделаю петухом», «отдам на растерзание козлам» и т.д., если в отношении граждан необоснованно возбуждаются уголовные дела, то в таких случаях возникает прямой повод для прицельного уголовно-правового реагирования на зло, вызывающее кричащую реакцию общества. И здесь вполне закономерны суждения о необходимости дополнения имеющегося уголовно-правового арсенала средств статьями об ответственности за угрозу привлечения к уголовной ответственности, за превышение допустимых мер строгости в ходе допросов, за упрек человека в совершении деяния, наказание в отношении которого уже

отбыто и, может быть, даже судимость в отношении которого уже погашена или снята в установленном законом порядке.

С погашением или снятием судимости из базы документальных и электронно-информационных данных должны извлекаться и уничтожаться *все* сведения об осуждении человека. Иначе будут и дальше сохраняться условия для шантажа, коррупции и иных злоупотреблений в отношении граждан со стороны сотрудников органов уголовно-правовой юрисдикции. Есть еще случаи, когда за устранение из электронной базы данных органов внутренних дел сведений о погашенной или снятой судимости коррупционеры требуют до десяти и более тысяч долларов США – с учетом тяжести преступления, в отношении которого судимость уже погашена или снята в установленном законом порядке.

В последние годы в деятельности органов, осуществляющих уголовно-правовую юрисдикцию, к сожалению, отчетливо наблюдается ярко выраженный обвинительный уклон, то есть такое положение, при котором уголовно-правовые средства применяются к *человеку*, который или вообще не совершал никакого преступления, или если и совершал какое-либо из них, но не заслуживал того объема строгостей, который реально был к нему применен. Пресса все еще пестрит сообщениями о том, что людей довольно часто задерживают и арестовывают без достаточных к тому оснований⁶, применяя при этом иногда к задержанным и заключенным под стражу жесточайшие пытки⁷, доводя порой тяжелобольных, включая женщин, до крайне тяжелого положения – вплоть до летального исхода⁸.

⁶ См., например: Куликов В. Арест на всякий случай. Следователи и адвокаты разберутся, почему так часто подозреваемых отправляют в СИЗО // Российская газета. 2010. 21 сентября. С. 9.

⁷ См., например: Богданов В. Трезвый и мертвый. Пыточные методы отрезвления применялись милиционерами (в Перми. – П.П.) // Российская газета. 2010. 1 сентября. С. 7; Богданов В. Пытки отрезвляют. В Арзамасе арестованы милиционеры, которые издевались над женщиной // Российская газета. 2010. 14 сентября. С. 6.

⁸ См., например: Куликов В. Диагноз – неволя. В столичном СИЗО скончалась тяжелобольная арестантка // Российская газета. 2010. 19 октября. С. 7.

Многое здесь объясняется тем, что до сих пор работа сотрудников органов, осуществляющих уголовно-правовую юрисдикцию, оценивается не по состоянию правопорядка, а по числу лиц, привлеченных к уголовной ответственности. Вот и возбуждаются уголовные дела нередко просто на «пустом» месте, без каких-либо к тому правовых оснований. Допустим, кому-то из сотрудников организации показалось, что зарплата у коллеги – несколько выше, чем у него. В соответствующую правоохранительную инстанцию тут же поступает «сигнал» (непорядок, мол), которому и дается «ход». То есть начинается проверка на предмет выяснения «что к чему», один за другим следует вызовы гражданина в отдел по борьбе с экономическими преступлениями. Человек начинает себя чувствовать «меченным», «запятнанным», находящимся «под колпаком». Ему вынужденно приходится искать «ходы и выходы» для того, чтобы как-то «отмазаться» от неизвестно откуда свалившейся на него «напасти». Порой он успевает при этом наделать немало «глупостей», а именно заискивает перед «операми» и «следаками», легко поддается на их намеки о взятке, суется, сует вымогателям какие-то измятые купюры, дает обещания «и в дальнейшем быть благодарным», ищет «связи», звонит коллегам, приятелям, знакомым, вызывает о помощи – «обложили», мол, «выкручивают руки», «берут за горло» и т.д. Одним словом, подает сигнал «SOS».

И хотя шитое белыми нитками «дело», в конце концов, чаще всего «лопается», «разваливается», оканчивается «ничем», но, как говорится, «осадок» все же остается – в том смысле, что у человека порой надолго (если не на всю жизнь) сохраняется ненависть к нашей уголовно-юрисдикционной системе, представляющейся ему страшнее всякого бандитизма, терроризма, экстремизма и прочей самой крутой уголовщины. А подчас не только остается «осадок», но и наступает... летальный исход, обусловленный необоснованной уголовно-правовой юрисдикцией⁹.

⁹ См., например: Лукин В. Заявление Уполномоченного по правам в Российской Федерации // Российская газета. 2010. 31 мая. С. 10.

Почему обыватель боится бандита-правоохранителя сильнее, чем бандита как такового? Да потому что первый «ударяет» по человеку открыто, громко, от имени государства и самым порочающим образом, а второй действует чаще всего «тихо», «без предупреждения», как бы из-за угла. Впрочем, события 4 ноября 2010 года в станице Куцевской (Краснодарский край), где в течение примерно часа было вырезано 12 человек (в доме, в котором праздновали День народного единства)¹⁰, показывают, что в настоящее время обе эти линии бандитизма (традиционного и в виде «оборотней в погонах») по существу сомкнулись, оформились в единый «кулак», буквально сражающий наповал каждого, кто стоит на пути, проявляет непокорность, не платит «дань» и т.д.

Не единичны и случаи, когда уголовные дела возбуждаются по обращениям высокопоставленных должностных лиц, а затем в судах обвинения не подтверждаются и по ним судами выносятся оправдательные приговоры. Нечто подобное, как можно предполагать, случилось, например, в августе 2010 года по делу бывшего сотрудника Генштаба Министерства обороны РФ полковника Владимира Квачкова, обвинявшегося в посягательстве на жизнь некогда известного в политических кругах Анатолия Чубайса (в основном по приватизационным делам), а ныне – руководителя Роснано. В конце концов, многократно осуждавшийся по данному делу В.Квачков все же был оправдан судом¹¹, но опять-таки «осадо́к» остается. И он связан с вполне закономерным в данном случае вопросом о том, неужели нельзя было сразу во всем до конца разобраться.

Далеко не всегда обоснован жесткий «наезд» на предпринимателей – в особенности избирательный, то есть когда при одних и тех же деяниях и обстоятельствах кто-то из бизнесменов направляется «по этапам», а кто-то из них, используя сырьевой ресурс, дешевизну рабочей силы и благосклонность

¹⁰ См.: Павловская Т. Хапки. Следователи рассматривают рэкет в качестве основного мотива массового убийства в станице Куцевской // Российская газета. 2010. 16 ноября. С. 7.

¹¹ См.: Федосенко В. Двенадцать оправдали Квачкова. Присяжные вновь признали его непричастным к покушению на Чубайса // Российская газета. 2010. 23 августа. С. 1, 4.

властей и правоохранительных органов, продолжает беззастенчиво набивать карманы, приобретать дорогую недвижимость, в том числе фамильные замки в разных концах света, летать на собственных самолетах, плавать на собственных яхтах и даже замахиваться на приобретение собственных подводных лодок, проводить беззаботно время в апартаментах высокопоставленных чиновников. В данной связи, думается, можно как-то понять позицию и мотивы тех политиков (бывших и нынешних), которые время от времени обращаются к руководителям государства с просьбами о помиловании тех или иных подвергшихся уголовному преследованию предпринимателей¹². Можно спорить о том, заслуживают ли последние снисхождения, но накладывать табу вообще на обсуждение в прессе подобного рода вопросов, думается, нельзя.

Дело доходит даже до того, что для «галочки», в погоне за показателями (вот, мол, мы столько преступлений раскрыли), уголовные дела возбуждаются против граждан вообще без всякого их участия. Например, в прессе описан случай, когда в Новосибирске некая Елена Саморукова, получив в 2009 году высшее юридическое образование, стала устраиваться на работу по специальности (намереваясь принять участие в конкурсе на замещение должности судебного пристава), но ей официально сообщили: ранее вы привлекались к уголовной ответственности, а поэтому допустить вас к участию в конкурсе нельзя.

Из поднятого в архиве уголовного дела удалось установить, что женщина, якобы, вызывалась в 2003 году в связи с совершением обмана потребителей (соответствующая статья УК РФ – 200-я – была признана в конце указанного года – Федеральным законом от 8 декабря 2003 года – утратившей силу) в суд (мировой судья – Н.Б.Каминская), давала показания, отказалась от услуг адвоката, отвечала на вопросы прокурора Агеевой, но, в конце концов, раскаялась и поэтому дело было прекращено за применением сторон. Однако, поскольку основание прекращения дела – не реабилитирующее, по милицейским

¹² См., например: Тирмастэ М.-Л. Борис Немцов призвал президента помиловать Михаила Ходорковского // Коммерсант. 2010. 26 октября. С. 2.

картотекам молодой юрист Елена Саморукова считалась в прошлом преступницей, а поэтому поручать ей работу судебного пристава не полагается.

Кстати, здесь возникает промежуточный вопрос, а именно вопрос о том, почему, собственно, не полагается молодому дипломированному юристу занять понравившуюся ей должность? Даже если бы эта женщина действительно совершила какое-либо преступление, но затем сполна отбыла назначенное за него наказание, то и в этом случае с истечением срока погашения судимости (или со снятием ее «досрочно») она в соответствии с действующими в нашей стране законами вполне могла бы претендовать на любую должность, вплоть до должности главы государства¹³.

Здесь уже возникает прямой вопрос к службе судебных приставов – к службе, которая, будучи призванной стоять на страже закона, сама же его и нарушает. За подобное обращение с законом виновные лица должны, конечно же, наказываться самым строгим образом. И наказываться, невзирая на ранги, чины и звания. Человек, искупивший вину отбыванием наказания, чист перед законом, государством и обществом в такой же мере, как и любой другой честный, порядочный и законопослушный гражданин.

Справедливость в отношении молодого юриста Елене Саморуковой, в конце концов, все восторжествовала, но для того, чтобы это произошло, было затрачено немало времени, сил, нервов. Кстати, вначале все жалобы

¹³ Например, в Украине, то есть в стране, которая, как принято у нас считать, мягко говоря, не блещет уважением к правам человека, на пост президента страны избран человек (Виктор Янукович), который, по утверждению оппозиции, ранее (в далекой молодости) привлекался к уголовной ответственности за какое-то вполне «молодежное» преступление (что-то там было, якобы, связано со взаимоотношениями с девушками). Стала канцлером ФРГ и Ангела Меркель, прошлое которой целиком и полностью связано с бывшей ГДР, где, как сейчас принято считать в Германии, любая карьера была сопряжена с криминалом. Должны, следовательно, и у нас соблюдаться требования закона о безупречности человека, в отношении которого закон проявляет «великодушие» и считает допустимым «прощение грехов». В том числе требования, в соответствии с которыми «погашение или снятие судимости аннулирует все правовые последствия, связанные с судимостью» (ч. 6 ст. 86 УК РФ). Обращает здесь на себя внимание, кстати, то обстоятельство, что уголовный закон говорит именно об *аннулировании* негативных последствий судимости, а не об *освобождении* от них. Это, как мы полагаем, имеет прямое отношение к поднятому выше вопросу о терминологии уголовно-процессуального закона, используемой применительно к адекватным ситуациям.

Е. Саморуковой «натыкались» на глухую стену черствости и бездушия сотрудников прокуратуры. «Оснований сомневаться в подлинности и достоверности материалов дела нет», – отвечал на жалобу «преступницы», например, прокурор Октябрьского района г. Новосибирска Андрей Сахаров. В том же духе отвечали на жалобы Елены и сотрудники более высоких прокурорских инстанций. И только после обращения женщины в Генеральную прокуратуру РФ и публикаций по данному поводу в «Российской газете» (в апреле, июне и августе 2010 года) ситуация вроде бы сдвинулась с «мертвой точки»¹⁴. По крайней мере, с человека сняли пятно «преступницы», что позволило ей все же поступить на работу по полученной в вузе специальности.

Вместе с тем, пресса, к сожалению, не дала никаких разъяснений в отношении ответственности должностных лиц правоохранительных органов за сфабрикованное ими в отношении невинной женщины уголовного дела и их попытки придать такой фабрикация «законный» характер, что могло на всю жизнь перекрыть человеку доступ к интересной, важной и нужной профессии.

Не дана и оценка практике по существу пожизненного внесения сведений о судимостях в милицейские картотеки – как и практика по существу пожизненных запретов на профессии, причем по надуманным поводам.

В связи с принятием соответствующего решения о нулевых показаниях алкометра (алкотестера) для водителей сотрудники ГИБДД начали «вылавливать» и тех, кто накануне поездки в беспощадный летний зной 2010 года осушил, например, у квасной бочки кружку-другую традиционного для россиян прохладительного напитка. Или просто попал под подозрение «на выпивку» – мол, «не так вел себя», «не то говорил» и т.д. Бедные водители доводились при этом порой, как говорится, до белого каления, а иногда и просто, грубо говоря, «отбрасывали копыта»¹⁵.

¹⁴ См.: Рузанова Н. Негласное правосудие // Российская газета. 2010. 25 августа. С. 10.

¹⁵ См., например: Баршев В. Умираешь? Освободи машину. Автоинспектор пытался лишить прав водителя при смерти // Российская газета. 2010 года. 7 сентября. С. 11; Пинкус М., Ионова Л. Двучичный инспектор // Российская газета. 2010 года. 15 сентября. С. 10; По

Продолжаются экзекуции над задержанными в кабинетах органов внутренних дел. Так, в сентябре 2009 года, задержав человека по подозрению в угонах автомашин, двое оперуполномоченных органов внутренних дел по столичному району Фили-Давыдково 27-летний Логунов и 29-летний Антон Павликов (лейтенанты милиции), заковали его в наручники, связали брючным ремнем, надели на голову полиэтиленовый пакет, стали душить, наносили удары в лицо, а затем потребовали 300 тысяч рублей и... «по доброте души своей» отпустили «собирать деньги» на взятку. А тот, хотя и на самом деле занимался угонами машин, обратился, тем не менее, в милицию (не было другого выхода), после чего оба «оборотня» были задержаны. У одного из них, кстати, при задержании были обнаружены два пакетика с героином – 0,32 и 0,61 г.¹⁶ Происшедшее есть красноречивое свидетельство того, что если сотрудник милиции занимается одними какими-то видами преступной деятельности (например, злоупотреблениями должностных полномочий, превышением их, насилием над людьми и той же коррупцией), то он неизбежно втягивается и в другие ее виды, в том числе более опасные.

Необходимо заметить, что доля коррупционной составляющей в числе нарушений, допускаемых уголовно-правовой юрисдикции – пожалуй, наиболее весомая. Всякие попытки борьбы с коррупционерами в милицейских мундирах все еще наталкиваются на препятствия, а нередко и терпят полный крах. И даже имеют подчас обратный эффект, то есть заканчиваются тем, что на скамье подсудимых оказываются сами борцы с подобными преступлениями «оборотней», в том числе с такими, как взяточничество во всех его проявлениях, включая самые опасные, казнокрадство, прочие злоупотребления и превышения. Обозначившаяся «такса» выхода, например, «взяткоборца» на свободу – 50 тысяч евро¹⁷.

нолям. Медикам приказано определять трезвость только на основании показаний алкометров (редакционный материал) // Российская газета. 2010. 21 октября. С. 2.

¹⁶ См.: Милиционеры наказали автоугонщика ремнем (редакционный материал) // Московский комсомолец. 2010. 26 октября. С. 11.

¹⁷ См., например: Алексеевич Д. «Честь не продается!». Он посадил 15 «оборотней» и за это сам оказался на нарах // Аргументы и факты. 2010. № 42. С. 63.

Частым мотивом, подталкивающим сотрудников к обвинительному уклону, является, конечно же, не только стремление основательно освободить свои ряды от тех, кто в борьбе с коррупцией, по их мнению, «перегибает палку» (то есть проявляет в этом деле твердость и принципиальность, идя даже на конфликты в «собственном доме»), но и желание показать «показатели» – столько-то, мол, «привлечено», столько-то «посажено» и т.д. При этом нередко присутствуют и намерения получить от привлекаемого к ответственности обвинительные показания против неугодных для сотрудников или их «хозяев» лиц. Под суд по надуманным поводам отправляются в связи с этим порой не только чиновничьи «пешки», но и крупные госслужащие, в том числе занимающие иной раз высшие посты в регионах.

Например, более трех лет находился в следственном изоляторе бывший вице-губернатор Иркутской области Сергей Воронов. По версии следствия, он снял со счета ГУП «Дорожная служба Иркутской области» 42 миллиона рублей и направил эти деньги на организацию Байкальского экономического форума. Следствие не учло, что такими полномочиями (снимать деньги со счетов организаций и направлять их куда бы то ни было) чиновник не обладал. Да и реальной возможности проводить подобные операции он не имел. Истинные же мотивы учиненной над высокопоставленным чиновником расправы состоят, как об этом пишет пресса, в том, что он категорически отказывался давать ложные обвинительные показания против госслужащих, занимающих еще более высокое служебное положение. Искренне недоумевая по данному поводу, пресса на полном серьезе заявляет: «Вот вам и главный привет из 37-го»¹⁸.

Приведем некоторые статистические данные, свидетельствующие о некоторых признаках обвинительного уклона на досудебных стадиях уголовного процесса. В 2009 году тремя ведомствами (Следственный комитет, МВД и ФСКН) возбуждено 2 256 613 уголовных дел, а направлено в суд только 568 565 дел (25,2 %), в том числе Следственным комитетом возбуждено

¹⁸ См.: Юрьев М. Изолятор временного непризнания. Еще раз о проверенных методах «выбивания» нужных показаний под флагом усиления борьбы с преступностью // Независимая газета. 2010. 26 октября. С. 6.

196 246 дел – направлено в суд 100 893 (51,4 %), МВД – соответственно 2 060 367 и 442 976 дел (21,5 %), ФСКН – 99 778 и 24 726 дел (24,8 %) ¹⁹. Таким образом, в среднем почти каждые три из четырех уголовных дел (74,8 %) возбуждаются у нас при отсутствии у них перспективы «дотянуть» до судебного рассмотрения, то есть практически на «пустом» месте.

За шесть месяцев 2010 года в судах было рассмотрено 84 766 ходатайств о заключении под стражу, а удовлетворено из них 76 532 ходатайства, что составило 90,3 % (удовлетворенных ходатайств – от всех заявленных).

Несколько ниже показатель удовлетворения судами ходатайств о заключении под стражу в выходные дни. За указанный период в эти дни было заявлено 16 465 ходатайств о заключении под стражу, а удовлетворено – 14 551, что составило 88,3%. Как видно, в выходные дни судьи располагали большим временем для более тщательного рассмотрения вопросов о мере пресечения.

По уголовным делам об убийствах и других насильственных тяжких и особо тяжких преступлениях суды удовлетворяют ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в 95 % всех случаев. Сказывается, как видно, тяжесть совершенных преступлений и особенности личности обвиняемого, подозреваемого.

Если же следователи ходатайствуют о *продлении* содержания под стражей (то есть просят суд санкционировать избрание этой меры пресечения в отношении человека, который ранее уже был подвергнут этой же мере, а именно уже находился в следственном изоляторе), то суды в таких случаях оказываются более «сговорчивыми» – дают разрешение на арест в 98 % всех случаев обращения с такими ходатайствами ²⁰. Сказывается, как видно, тот факт, что лицо уже находится под стражей.

Об определенном крене судов в сторону обвинительного уклона свидетельствует та же пресса, категорически (может быть, излишне категорически)

¹⁹ См.: Минкин А. Сколько надо посадить? От судов люди ждут не статистики, а справедливости // Московский комсомолец. 2010. 26 октября. С. 1, 3.

²⁰ См.: Куликов В. Арест на всякий случай. Следователи и адвокаты разберутся, почему так часто подозреваемых отправляют в СИЗО // Российская газета. 2010. 21 сентября. С. 9.

заявляя о том, что суды «несправедливы, жестоки, а главное – штампуют обвинения, сажают людей в угоду прокуратуре, МВД, КГБ²¹ и т.д.» Оправдательные приговоры, продолжает цитируемый автор (известный московский журналист А.Минкин), становятся большой редкостью. По его данным, в первом полугодии 2010 года суды рассмотрели уголовные дела в отношении 566 300 лиц, а оправдано – всего лишь 4 300 человек, что означает – удельный вес оправдательных приговоров составляет всего 0,76 %²². «И действительно, – продолжает тот же автор, – суды наши очень редко оправдывают. Звучит ужасная статистика: оправдательных приговоров 0,8 процента... Во времена Николая Первого было 75 % оправдательных приговоров, при Сталине – 10 %...»²³. Цифры эти, конечно же, весьма впечатляющие, однако, здесь не учитывается то, что в настоящее время более половины уголовных дел (примерно 55 %) рассматривается в особом порядке (раздел X УПК РФ), то есть в порядке, вообще исключая оправдательные приговоры.

И все же обвинительный уклон в деятельности судов есть. И он причудливым образом сочетается с оправдательным уклоном в их деятельности – в частности, в случаях, когда речь идет об уголовных делах, возбуждаемых в отношении чиновников. Генеральный прокурор РФ Ю.Чайка по данному поводу так говорит: «Идет откат от ранее достигнутых позиций. Возрастает число оправданных судами... Почти 8 тысяч представителей государственных и муниципальных органов власти уличены в получении либо в соучастии в получении взятки. Суды за это преступление карают не слишком строго: 55 процентов подсудимых отделяются условным наказанием, 26 процентов – штрафом, а реальные сроки получили 16 процентов...»²⁴.

Преобладающий обвинительный уклон в деятельности сотрудников органов уголовно-правовой юрисдикции, а также прямое участие этих сотрудни-

²¹ Автор в данном случае имел в виду, конечно же, ФСБ, но, по-видимому, журналистское желание в данном случае «предельно заострить проблему» пересилило.

²² Минкин А. Сколько надо посадить? От судов люди ждут не статистики, а справедливости // Московский комсомолец. 2010. 26 октября. С. 1, 3.

²³ Там же.

²⁴ Цитируется по тому же источнику.

ков в совершении различных преступлений против человека, общества и государства²⁵, в сочетании с не всегда высоким профессиональным уровнем работы адвокатов, на что не без оснований указывает пресса²⁶, а также с резиновыми и порой явно завышенными санкциями уголовного законодательства (на что тоже обращает внимание пресса²⁷), создает такую обстановку в стране, которая ставит под прямую угрозу те демократические преобразования, которые были проведены в системе уголовно-правовой юрисдикции в последние два десятилетия.

Вот почему сегодня необходимо принять достаточно решительные и всеобъемлющие меры для утверждения в уголовно-правовой юрисдикции идеалов свободы, в особенности в юрисдикции, опирающейся на такие меры пресечения, как заключение под стражу и домашний арест.

Сведения об авторе:

Панченко Павел Николаевич,

зав. кафедрой уголовного права и уголовного процесса

Нижегородского филиала

Государственного университета – Высшей школы экономики,

доктор юридических наук, профессор,

Заслуженный юрист Российской Федерации, академик РАЕН, член РА-

ЮН,

член Российской криминологической ассоциации,

руководитель Секции по уголовно-правовым вопросам

Научно-консультативного совета при Нижегородском областном суде.

Рабочий адрес: 603155, г. Нижний Новгород, 155, ул. Большая Печерская, 25/12, Нижегородский филиал Государственного университета – Высшая

²⁵ См., например: Дыбин А. Милиционеры обворовали недограбленный банкомат // Комсомольская правда. 2010. 4 октября. С. 4.

²⁶ По данному поводу пресса, в частности, пишет: «За год (2010-й. – П.П.) лишились своих корочек более 400 адвокатов. Из них 81 человек «разжалован» за то, что плохо защищали клиентов или вовсе палец о палец ради них не ударили. Еще 78 защитников лишены статуса за нарушение кодекса профессиональной этики...» (Куликов В. Защитная реакция. Более 400 адвокатов за год лишены своего статуса // Российская газета. 2010. 31 августа. С. 9).

²⁷ См., например: Ямшанов Б. Кодекс раскроили в лоскуты. Молодые юристы предлагают принять новый УК // Российская газета. 2010. 16 сентября. С. 9; Юргенс И. От сумы и от тюрьмы. Предприниматель должен жить спокойно, а не ждать приезда «воронка» // Российская газета. 2010. 8 сентября. С. 5.

школа экономики, Факультет права, Кафедра уголовного права и уголовного процесса, кабинет 110.

Рабочий телефон: 8-(831)-4-16-95-35.

Электронный адрес: panvest@mail.ru

Адрес для корреспонденции: 603132, г. Нижний Новгород, 132, а/я 293.

Панченко Павлу Николаевичу.

Домашний адрес по регистрации: 603132, г. Нижний Новгород, 132, ул. Даргомыжского, дом 19, корп. 5, кв. 67.

Домашний телефон: 8-(831)-2-58-81-29. Моб. тел.: 8-910-108-0-171.